

Марк У р а л ь с к и й. Неизвестный Троцкий: Илья Троцкий, Иван Бунин и эмиграция первой волны. Иерусалим, Москва: Гешарим — Мосты культуры, 2017. 704 с.

Новая книга представляет собой подробное изложение жизни и творчества одной из не слишком известных, однако примечательных фигур русско-еврейской литературы, журналистики, общественной жизни.

Герой повествования, Минахем Элияху (на русский манер Илья Мордухаевич или, чаще, Маркович) Троцкий, родился, как и его без всяких оговорок знаменитый коллега-антагонист Лев Троцкий, в 1879 году на территории современной Украины (а именно — в Ромнах Полтавской губернии), пребывал, как и тот, уже с 1900-х в эмиграции, зарабатывал, как и тот, журналистикой, приобрел в России известность, публикуя зарубежные корреспонденции в московской газете «Русское слово» Ивана Сытина. Когда же разразилась Первая мировая война и в России рухнул старый режим, он не вернулся на родину, в отличие от своего известного земляка, а остался за ее пределами, продолжил там активно выступать в прессе, преимущественно русскоязычной, заниматься общественной деятельностью, сменив при этом множество стран пребывания, сумел реализовать себя если и не сполна, то в большой мере, и завершил свои дни в Нью-Йорке в 1969-м.

Автор его жизнеописания Марк Уральский известен своими сочинениями в жанре «документальной беллетристики», а также не беллетризованными исследованиями в области истории культуры. В частности, целым рядом содержательных публикаций о том же Илье Троцком в разных зарубежных и российских сборниках и периодических изданиях. Крепкий профессионал и, кроме того, энтузиаст своей темы, Уральский сумел убедительным образом продемонстрировать читателям, кем же был его герой в действительности. Исследователь обнаружил и представил своим читателям архивные и печатные материалы, безвозвратно, как казалось многим, отошедшие в безвестность и небытие.

Журналистская профессия и общественная деятельность дали Илье Троцкому возможность общаться со многими видными представителями отечественной и мировой культуры — такими, как нобелиаты Бунин, Бьернсон, Гамсун, Гауптман, Льюис, Пиранделло или их не увенчанные нобелевскими лаврами коллеги: Адамович, Алданов, Альтенберг, Брандес, Дон Аминадо, Куприн, Стриндберг, Шницлер. «Илья Троцкий, — справедливо констатирует его биограф, — образно выражаясь, играл роль “живого моста”, соединявшего в начале XX века скандинавскую, австро-германскую и русскую культуры» (с. 11).

Разумеется, уже поэтому публицистическое, мемуарное и эпистолярное наследие «неизвестного» Троцкого, являясь богатым

фондом исторических фактов, представляет собой в совокупности немаловажную часть обширной документации по истории российского Серебряного века и трех волн эмиграции из страны. В частности, переписка Троцкого раскрывает целый ряд эпизодов, существенных для понимания обстоятельств и результатов деятельности ключевых фигур российского рассеяния и эмигрантской культуры, рассказывает о перипетиях становления еврейского сообщества в Латинской Америке, свидетельствует о непростой жизни выходцев из России по обе стороны Атлантики.

Книга позволяет увидеть, что «неизвестный» Троцкий был не только предприимчивым и влиятельным общественным деятелем своей эпохи, энергичным литературным функционером, усердным благотворителем, достойным уже за свои многочисленные добрые дела благодарной памяти потомков, но и добросовестным свидетелем грандиозных событий, случившихся на его веку и непосредственно у него на глазах, а также вполне самостоятельной творческой величиной, литературные достижения которой имеют право на внимание новейших читателей. Хотя биограф и характеризует его как «вполне заурядного очеркиста, без особых аналитических, метафизических или идейных амбиций» (с. 32). Это, представляется, излишне строгая оценка: обильно цитируемые биографом тексты Троцкого разных лет позволяют не согласиться с ней; надо помнить, кроме того, что в сытинском «Русском слове» посредственностей не держали. Гораздо более справедливым выглядит другое замечание Уральского — о том, что его герою были «присущи и цельность мировидения, и твердость убеждений, и пусть не “брильянтовый”, однако собственный, узнаваемый и располагающий к себе литературный стиль» (с. 40).

То, что тексты Троцкого представлены его биографом в большом количестве и больших объемах, щедро, иногда по несколько страниц подряд, непосредственно или в подробном, близком к тексту пересказе, — пожалуй, достоинство книги. Однако логичным продолжением этого достоинства становится тот недостаток, что некоторые фрагменты повторяются (как, например, мемуар Троцкого о Зудермане и Толстом).

Увы, не удалось исследователю избежать и неточностей. Скажем, во второй главе упомянуто столичное «крайне правое суворинское “Новое слово”» (с. 77); в действительности же это «Новое время», газета, которая ни «крайне правой», ни даже «консервативной» (как утверждает на с. 92 автор монографии) в тогдашней России вовсе не считалась. Напротив, она позиционировала себя как издание «прогрессивно-националистическое» и старалась, как умела, поддерживать свою репутацию «русской “Таймс”», «трибуны мнений». Можно вспомнить, что именно из «Нового времени» многие россияне смогли обстоятельно узнать о европейском литературно-художественном

модернизме, там же появились некогда тексты Буренина, Вентцеля (более известного современникам как Бенедикт и Юрьин) и князя Волконского (известного также как Анчар Манценилов), опознанные позднейшими исследователями как ранние образцы литературы абсурда, и, например, рождественская «детская сказка» «Революция домашних животных» некоего Барона Эн, трансформировавшаяся сорок лет спустя в антиутопическую повесть «Скотный двор» Оруэлла.

Есть в книге и другие ошибки. Московская «Русская мысль» была, вопреки странной обмолвке автора монографии (с. 90), не газетой, а толстым ежемесячником. Упомянутый биографом Троцкого «московский Суворинский (иначе: Малый) театр» (с. 143) — ложное соединение двух разных зрелищных заведений: московского Императорского Малого театра и петербургского (петроградского) частного Малого театра (или, иначе, театра Литературно-художественного общества, Театра Суворина, Суворинского театра), группа которого долгое время работала в том здании на набережной Фонтанки, что называлось первоначально Апраксинским театром и где располагается теперь Большой драматический театр имени Товстоногова. Частный Театр Незлобина едва ли правильно называть московским (с. 143), поскольку эта антреприза постоянно работала не только в Москве, но также в Петербурге (Петрограде) и Риге. Издававший энциклопедические справочники петербуржец Ефрон почему-то стал в книге Эфроном (с. 40), «танцующий философ» Вольтинский, по паспорту Флексер, — Флекснером (с. 172), сионист Пасманик — Пасманником (с. 268).

Известный еврейско-австро-германо-американский режиссер Райнхардт — то Рейнгардтом (что, впрочем, представляет собой традиционное русское искажение, распространенное в литературе и потому, можно считать, допустимое), то Рейнгардом (что, конечно, уже совсем неверно) (с. 92, 109, 143—144, 195, 229, 276, 380—381). Главный бульвар германской столицы Курфюрстендамм напрасно упоминается автором как Курфюстендам (с. 276), нью-йоркский Бахметевский архив — как Бахметьевский (с. 22, 666), а кочевавшее по разным городам «Издательство З. И. Гржебина» — как «Издательство З. И. Гржебин» (с. 254). Подготовленная писателем-знавцем С. Гусевым (более известным как Гусев-Оренбургский) «Багровая книга» об украинских погромах 1919 года была опубликована не «буквально по горячим следам», как сказано в монографии (с. 44), а лишь спустя немало лет после ее создания, в результате не вполне выясненных пока, но явно непростых событий. Первое, малотиражное, но, по-видимому, все-таки полное его издание вышло в Харбине в 1922 году. Весь доход от реализации тиража был предназначен для жертв погромов 1919 года. Первое же российское издание появилось спустя еще год, в 1923-м, — в Петрограде (в качестве места издания

была указана Москва) под маркой Госиздата, но с указанием, что оно было «исполнено издательством З. И. Гржебина», со значительными цензурными купюрами и измененным заглавием «Книга о еврейских погромах на Украине в 1919 г.», в редакции «буревестника революции» и с его же «предисловием», помещенным почему-то в конце многострадального сборника.

Кроме того, вызывает недоумение безоговорочная поддержка исследователем некоторых более чем дискуссионных утверждений его героя. Например, автор монографии принимает как безукоризненные мнения Троцкого, будто с середины 1910-х годов «верность союзническим обязательствам» России перед государствами Антанты и «война до победного конца» (с. 231) были единственно возможным и благим для страны политическим выбором, что поборники независимости или хотя бы автономии Финляндии, Украины и Кавказа были «антирусскими элементами» (с. 229), а выражение ими их вполне обоснованных взглядов было не более чем «разглагольствованиями» (с. 231). Современный читатель может возразить на все это, что едва ли должна считаться верной система представлений, ставшая одной из немаловажных причин возникновения в короткие сроки двух мировых войн, крушения в 1917 году российского государства и последовавших затем в надорвавшейся и всем проигравшей стране ужасов коммунистического режима.

Перечисленные нами детали, однако, не влияют на общую весьма положительную оценку нового труда Марка Уральского об Илье Троцком. Надо надеяться, при переиздании этого добросовестного и полезного труда все досадные упущения будут устранены.

Евгений ГОЛЛЕРБАХ

Российская национальная библиотека